

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Historical Research

УДК 94(47).08

С.М. Рязанов

г. Пермь, Российская Федерация

Полицейские чиновники и пенитенциарная система в конце XIX – начале XX в.: По материалам Пермской губернии

S.M. Ryazanov

Perm, Russian Federation

Police Officials and Penitentiary System in the Late 19th – Early 20th Century: On Materials of the Perm Gubernia

Аннотация

В статье на основании ранее неизвестных документов, хранящихся в Государственном архиве Пермского края и Государственном архиве Российской Федерации, впервые в отечественной историографии рассматривается проблема взаимопроникновения чиновников правоохранительной и пенитенциарной систем Российской империи (на примере Пермской губернии). В статье упоминаются и некоторые недостатки формулярных списков как исторических источников: отсутствие четких сведений о социальном и территориальном происхождении чиновника, неаккуратное занесение данных делопроизводителями, в особенности о составе семьи. В первой части статьи дается краткий обзор учреждений, в которых начинали карьеру будущие полицейские чиновники, взаимодействия полицейских с «Обществом попечительным о тюрьмах» и деятельности чиновников по задержанию бежавших заключенных. Особое внимание уделяется специфике полицейских кадров, работавших как в полицейских, так и пенитенциарных структурах. При этом активно

применяется просопографический метод коллективной биографии. На основе анализа формулярных списков рассматривается сословное происхождение чиновников, выясняются предполагаемое место рождения, конфессиональная принадлежность, состав семьи, образование и причины оставления службы. Отдельно рассматриваются два руководителя полиции Пермской губернии, ранее работавших в учреждениях исполнения наказаний, – это последний пермский уездный исправник Г.В. Кадомцев и горный исправник А.Р. Гольцман. Кадомцев хорошо зарекомендовал себя на службе в тюремном ведомстве, раскрыв в 1908 г. готовящийся побег из екатеринбургской тюрьмы. В дальнейшем, уже на полицейской службе, заслужил уважение как со стороны начальства, так и со стороны местного населения. Гольцман, совершивший ряд незначительных проступков на прежних местах службы, в пермской полиции зарекомендовал себя как ленивый и неэффективный чиновник. Делается вывод о том, что, хотя изучение документов полицейских в большей степени служит выявлению специфики кадров правоохранительных органов, отдельные сведения представляют важность и для изучения пенитенциарной системы.

Abstract

For the first time in the national historiography, drawing on previously unknown documents stored in the State Archive of the Perm Krai and the State Archive of the Russian Federation, the article addresses the issue of transfusion of law enforcement and penitentiary system officials in the Russian empire in a case-study of the Perm gubernia. The article also mentions some shortcomings of the statements of history as a historical source, such as lack of clear information on ancestry and place of origin of the officials and also inaccurate data entries, particularly on the family composition. In the first part of the article there is a brief overview of the institutions, in which future police officers used to begin their careers, and an outline of police interactions with the “Prisons guardian society” as well as the procedure for apprehending escaped prisoners. In the following part, the author focuses on the circumstances of the police personnel working in police and prison structures and uses prosopographic method of collective biography. Drawing on the analysis of the statements of history, the article identifies class origin of the officials, their place of birth, affiliation, family composition, education, and reasons for leaving service. The article offers a close-up on two heads of police of the Perm gubernia, who had also worked in penitentiary institutions: G.V. Kadomtsev, the last head of district police in the Perm uезд, and A.R. Holtzman, the head of mountain police. G.V. Kadomtsev had shown himself to advantage in the prison department, having discovered an attempted escape from the Ekaterinburg prison in 1908. Later, at the police service, he was well respected by his superiors and the locals. A.R. Holtzman had committed a number of minor offenses in former duty stations and later

gained a reputation of being a lazy and inefficient official in the Perm police. The author concludes that, although the study of police documents mostly allows bring into sharper focus circumstances of law enforcement personnel, some facts are also of importance for studying penitentiary system.

Ключевые слова

Источник, архив, пенитенциарная система, полиция, Пермская губерния, личный состав, формулярный список, Государственный архив Пермского края.

Keywords

Archive, archive, penitentiary system, police, Perm gubernia, personnel, statement of history, State Archive of the Perm Krai.

Ключевым источником социальной характеристики чиновничества Российской империи являются формулярные списки. Помимо сведений о сословии, возрасте, составе семьи, чине, наградах, участии в военных действиях, земельной собственности и т. д. каждый формуляр содержит обширные данные о служебном росте.

В частности, они показывают, что многие полицейские на разных этапах карьеры осуществляли служебную деятельность, помимо правоохранительных органов, в канцеляриях губернаторов, губернских правлениях, казенных палатах, почтовых конторах, армейских подразделениях и других структурах. Значительное место среди иных мест службы или временного исполнения обязанностей занимают учреждения пенитенциарной системы.

Анализ базы данных, включающей в настоящее время 93 полицейских чиновника Пермской губернии конца XIX – начала XX в., показывает следующие результаты. У 5 чиновников место начала службы неизвестно. Из 26 полицейских, поступивших на государственную службу до прибытия на Средний Урал, 42,3% начали ее не в полиции: четверо – в губернских правлениях и канцеляриях губернатора, трое – в почтовых конторах, по одному чиновнику – в тюремных, духовных, медицинских и военных структурах. Из 62 полицейских, которые были приняты на службу уже в Пермской губернии, в «неполицейских» учреждениях начинали всего 14,5%: шестеро – в губернском правлении

и канцелярии губернатора, по одному – в казенной палате, управлении государственных имуществ и Уральском горном правлении. Таким образом, анализ базы данных наглядно демонстрирует, что служба в учреждениях пенитенциарной системы не являлась «школой» для сколько-нибудь значительного числа полицейских кадров и не влияла на формирование будущего полицейского.

Однако это не означает, что взаимосвязи между полицейским чиновничеством и пенитенциарной системой не существовало. Начнем с того, что каждый исправник, уже в силу должности, назначался на пост одного из директоров местного отделения Общества попечительного о тюрьмах, а нередко – старшего директора. В отдельных случаях должность директора занимал помощник исправника¹. Основными направлениями деятельности Общества попечительного о тюрьмах в конце XIX – начале XX в. оставались: проверки соблюдения заключенными режима содержания, организация тюремных школ, привлечение заключенных к труду, организация морально-нравственного воздействия на заключенных и т. д.² О том, что полицейские относились к своей деятельности на данной общественной должности достаточно серьезно, говорит хотя бы то, что два старших директора удостоились орденов не за выполнение прямых полицейских обязанностей, а «за отлично усердную службу и особые труды по тюремному ведомству и обществу попечительному о тюрьмах»³. Кроме того, Ирбитский уездный исправник Н.М. Пейкер помимо должности старшего директора занимал пост старосты местной тюремной церкви⁴.

Побеги заключенных, хотя и имели после первой русской революции тенденцию к снижению, даже накануне Первой мировой войны оставались достаточно распространенным явлением. Согласно данным Главного тюремного управления, в 1913 г. на 124 418 заключенных приходилось 1169 побегов⁵. Очевидным направлением деятельности, как рядового состава полиции, так и чиновников, были розыски бежавших арестантов. Например, сверхштатный околоточный надзиратель екатеринбургской городской полиции А.И. Новиков удостоился благодарности губернатора «за разумные и энергичные меры, принятые им при розыске и задержании 14 декабря 1912 года, бежавшего с хозяйственного двора Екатеринбургской тюрьмы срочного арестанта Ивана Шамова, 19 лет»⁶.

Непосредственный анализ 136 формулярных списков пермских полицейских конца XIX – начала XX в., выявленных в фондах Департамента полиции (ГАРФ. Ф. 102), Пермского губернского правления (ГАПК. Ф. 36) и Тюремного отделения (ГАПК. Ф. 164), позволил обнаружить 17 (12,5%) полицейских, которые служили в тюремном ведомстве. Данное соотношение весьма значительно. Так, например, вышеупомянутые должности в почтовых отделениях в разное время занимали всего 4 полицейских (2,9%). В то же время стоит иметь в виду, что несколько учтенных чиновников трудились в пенитенциарной системе весьма непродолжительное время. Например, полицейский пристав А.Ф. Оплетин временно исполнял обязанности начальника Шадринской тюрьмы в течение всего 9 дней (с 6 по 14 сентября 1910 г.)⁷. Тем не менее значительность занимаемых должностей не позволяет исключить данную категорию лиц из исследуемого списка.

На основе названия образовательного учреждения и первого места службы можно предположить, что уроженцами Пермской губернии являлись только 41,2% изучаемой группы. Остальные прибыли из Вятской, Виленской, Гродненской, Казанской, Могилевской, Новгородской, Санкт-Петербургской, Симбирской, Херсонской и Черниговской. Вероятнее всего, подобная горизонтальная мобильность государственных служащих была вызвана намерением сделать карьеру на новом месте.

По конфессиональному составу 15 человек (88,2%) придерживались православия, двое исповедовали католицизм. В социальном составе преобладали привилегированные сословия (57,1%): 2 происходили из потомственных дворян, 1 был сыном личного почетного гражданина, 4 – из чиновничества, включая 2 сыновей личных дворян, 1 был сыном священника. Имелись также 3 мещанина, 2 крестьянина и мастеровой. По семейному положению большинство (58,8%) были женаты и имели в среднем 1,9 ребенка. Самая большая семья (5 детей) была у пермского полицмейстера А.П. Соколова, начинавшего свою карьеру смотрителем Череповецкого тюремного замка Нижегородской губернии⁸. Следует, однако, учитывать, что сведения о составе семьи не всегда точно и своевременно вносились в формулярные списки. Среди холостых сотрудников один был ранее разведен – А.Р. Гольцман⁹.

Достаточно посредственным был образовательный уровень полицейских. Только горный исправник А.Р. Гольцман имел полное среднее образование, окончив полный курс Санкт-Петербургского реального училища¹⁰. Г.В. Кадомцев учился в Пермской мужской гимназии, однако выбыл из учебного заведения и в дальнейшем вынужден был держать экзамен на первый классный чин¹¹. Шестеро окончили городские и уездные училища, 5 (31,3%) учились в народных, духовных и иных училищах, не дающих право на производство по табели о рангах без экзамена, 3 (18,8%) имели домашнее образование. В одном формуляре сведений об образовании не встречается.

Среди известных причин оставления должности полицейскими фигурируют: ликвидация полиции в 1917 г. (7) и прошения (4), большинство из которых по болезни. Служба перешедшего из полиции в смотрители Верхотурской тюрьмы К.Ф. Будая трагически оборвалась 26 декабря 1908 г. в связи с кончиной от сыпного тифа¹².

Ярким примером успешной карьеры будущего полицейского, начатой в пенитенциарной сфере, может служить деятельность потомственного дворянина Г.В. Кадомцева. Последний пермский уездный исправник поступил на государственную службу канцелярским служителем экспедиции о ссыльных Пермского губернского правления 1 ноября 1890 г. Через пять лет ему было поручено «исполнение должности» смотрителя Чердынской тюрьмы. В дальнейшем Г.В. Кадомцев служил в Оханской, Пермской и Красноуфимской тюрьмах, Николаевском арестантском отделении. В мае 1906 г. он был переведен на должность начальника Екатеринбургской тюрьмы¹³. Руководство пенитенциарным учреждением оказалось достаточно сложным и опасным делом.

19 ноября 1906 г. на Г.В. Кадомцева было совершено покушение. «Сего числа в 11 часов 10 минут в квартире моей, прилегающей спиной к прогулочному двору, – докладывал новый начальник тюрьмы прокурору Екатеринбургского окружного суда, – в истопившейся почти голландской печи произошел взрыв, по моему предположению, от брошенного в дымовую трубу пороха, завернутого в свинцовую оболочку...» Начальника тюрьмы спасла ошибка в конструкции бомбы, из-за которой взрыв оказался недостаточно силен. Виновные в этом преступлении полицией так и не были найдены¹⁴.

В конце января 1908 г. «важными политическими арестантами» екатеринбургской тюрьмы во главе с революционером В. Кудряшевым готовился очередной массовый побег. Находящиеся на свободе сообщники арестантов должны были доставить динамит, при помощи которого арестанты планировали пробить стены тюрьмы. Полиции удалось предупредить действия «заговорщиков» благодаря содействию Г.В. Кадомцева, который заранее узнал подробные детали плана, а затем выяснил личности находящихся на свободе сообщников преступников¹⁵. Видимо, под впечатлением от этого успеха губернатор А.В. Болотов перевел чиновника из тюремного ведомства обратно в губернское правление и назначил помощником екатеринбургского полицмейстера, а в следующем году – ирбитским уездным исправником.

Здесь Г.В. Кадомцев не только удостоился трех благодарностей губернатора за «образцовый порядок» во время ежегодных ярмарок¹⁶, но и заслужил уважение местного населения. 8 марта 1912 г., в связи с переходом Г.В. Кадомцева на новое «место служения», в Пермский уезд, на заседании Ирбитской городской думы было принято решение объявить ему благодарность за то, что исправник всегда «шел навстречу нуждам города, не нарушая его интересы»¹⁷. В Пермском уезде умение Г.В. Кадомцева поддерживать порядок было высоко оценено преосвященным Палладием, епископом Пермским и Соликамским¹⁸, и товарищем (заместителем) министра внутренних дел А.И. Лыкошиным, посетившим губернию в августе 1913 г.¹⁹

Полную противоположность Г.В. Кадомцеву являл другой полицейский – А.Р. Гольцман, 2 года прослуживший начальником Сарапульской тюрьмы в Вятской губернии (с 19 июля 1910 по 15 сентября 1912 г.)²⁰. Несмотря на столь короткий срок, ему удалось за это время стать фигурантом сразу двух дел: по ст. 343 и 453 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (незначительное превышение власти и применение насилия против заключенных)²¹. Стоит отметить, что и то и другое обвинение против чиновника были прекращены не в связи с доказательством его невиновности, а по случаю объявленной 21 февраля 1913 г. амнистии²².

Не лучшим образом зарекомендовал себя А.Р. Гольцман и в Пермской губернии, заняв здесь с 15 сентября 1912 г. пост горного исправника 1-го горно-полицейского округа. Когда осенью 1913 г.

рабочие платиновых приисков Шток жаловались губернатору на бездействие полицейских властей в вопросе возмещения заработной платы, А.Р. Гольцман сумел перенести ответственность на полицейского надзирателя Исовских приисков В.М. Михайлова. Затем до губернского начальства дошли сведения, что горный исправник держит у себя канцелярским служителем стражника И. Быкова. А.Р. Гольцман оправдывался тем, что его заставила «привлечь к канцелярским занятиям стражника Быкова... недостаточность ассигнований на канцелярские надобности»²³.

«Последней каплей» для губернатора стало сообщение исправника 15 января 1914 г. о том, что Анонимное общество отказывается от содержания полицейского надзирателя на Исовских золотоплатиновых приисках. Для ревизии деятельности горного исправника на место был командирован старший советник Пермского губернского правления. Его расследование показало, что исправник не делает совершенно ничего. Свой округ он разделил на два «стана» – между надзирателями Тагильских и Исовских золотоплатиновых приисков – и раздавал им различные поручения по горному округу. Между тем упомянутые надзиратели содержались на частные средства и должны были выполнять полицейские функции только в пределах своих районов. Даже ревизии делопроизводства полицейских надзирателей исправник проводил не лично, а поручал стражникам-канцеляристам. Когда А.Р. Гольцману было объявлено губернатором разыскать виновных в покушении на жизнь доверенного приисков Кукушкина, исправник провел дознание и за две недели обнаружил «виновных», о чем и рапортовал. На деле же «виновные», представленные судебному следователю, были им тут же отпущены, так как в дознании ничто не указывало на их причастность к совершенному преступлению. А.Р. Гольцман объяснил арест тем, что виновных губернатор просил найти «во что бы то ни стало»²⁴. Ознакомившись с ревизией, начальник губернии потребовал от А.Р. Гольцмана немедленно написать прошение об отставке²⁵.

Таким образом, можно констатировать, что сохранившиеся формулярные списки и другие документы о службе полицейских чиновников Пермской губернии не только характеризуют служебную деятельность полицейских, но и содержат отдельные важные сведения для изучения тюремной системы царской России.

Примечания

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 36. Оп. 10. Д. 1015. Л. 9 об.–10. *Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja* [State Archive of the Perm Krai] (GARPK), fond 36, series 10, file 1015, pp. 9 verso – 10.

² Галкина Н.И. Институт тюремного попечительства в Российской империи и его особенности на Кубани.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – С. 11. Galkina N.I. *Institut tyuremnogo popечitel'stva v Rossijskoj imperii i ego osobennosti na Kubani: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Institute of prison guardianship in the Russian Empire and its peculiar features in the Kuban: Cand. leg. sci. diss.]. Krasnodar, 2009, p. 11.

³ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 1020. Л. 4 об. – 5. GARPK, fond 36, series 10, file 1020, pp. 4 verso – 5.

⁴ Там же. Д. 882. Л. 59 об. – 60. Ibid., file 882, pp. 59 verso – 60.

⁵ Пертли Л.А. Профилактика побегов заключенных в дореволюционной России // Мониторинг правоприменения. – 2014. – № 4. – С. 45. Pertli L.A. *Profilaktika pobegov zaklyuchennyh v dorevolucionnoj Rossii* [Prevention of prisoners escapes in pre-revolutionary Russia] *Monitoring provoprimeniya*, 2014, no. 4, p. 45.

⁶ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 859. Л. 31–34. GARPK, fond 36, series 10, file 859, pp. 31–34.

⁷ Там же. Д. 866. Л. 119 об.–120. Ibid., file 866, pp. 119 verso – 120.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП 1. 1908 г. Д. 59. Л. 3 об.–4. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 102, department 1, 1908, file 59, pp. 3 verso – 4.

⁹ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 707. Л. 121. GARPK, fond 36, series 10, file 707, p. 121.

¹⁰ Там же. Л. 120 об. Ibid., p. 120 verso.

¹¹ Там же. Д. 758. Л. 42 об.–44. Ibid., file 758, pp. 42 verso – 44.

¹² Там же. Ф. 164. Оп. 2. Д. 233. Л. 7 об.–9. Ibid., fond 164, series 2, file 233, pp. 7 verso – 9.

¹³ Там же. Ф. 36. Оп. 10. Д. 758. Л. 42 об.–45. Ibid., fond 36, series 10, file 758, pp. 42 verso – 44.

¹⁴ Сухоруков С. История Екатеринбургской тюрьмы // Урал. – 2007. – № 12. – С. 168–170. Sukhorukov S. *Istoriya Ekaterinburgskoj tyur'my* [History of the Yekaterinburg prison]. *Ural*, 2007, no. 12, pp. 168–170.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП 3. 1908 г. Д. 20 ч. 33. Л. 54–54 об. GARF, fond 102, department 3, 1908, file 20, part 33, pp. 54–54 verso.

¹⁶ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 758. Л. 44 об.–49. GARPK, fond 36, series 10, file 758, pp. 44 verso – 49.

¹⁷ Там же. Л. 25. Ibid., p. 25.

¹⁸ Там же. Л. 28. Ibid., p. 28.

¹⁹ Там же. Л. 50 об.–51. Ibid., pp. 50 verso – 51.

²⁰ Там же. Д. 707. Л. 124 об.–125. Ibid., file 707, pp. 124 verso – 125.

²¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. – СПб.: Н.С. Таганцев, 1892. – С. 275, 320. *Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i*

ispravitel'nyh 1885 goda [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885]. St. Petersburg, N. S. Tagancev publ., 1892, pp. 275, 320.

²² ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 707. Л. 66, 106. GARPK, fond 36, series 10, file 707, pp. 66, 106.

²³ Там же. Л. 82, 82 об. 86, 86 об. 92. Ibid., pp. 82, 82 ob. 86, 86 verso, 92.

²⁴ Там же. Л. 87–91 об. Ibid., pp. 87–91.

²⁵ Там же. Л. 72. Ibid., p. 72.

Список литературы

1. Галкина Н.И. Институт тюремного попечительства в Российской империи и его особенности на Кубани: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 24 с.

2. Пертли Л.А. Профилактика побегов заключенных в дореволюционной России // Мониторинг правоприменения. – 2014. – № 4. – С. 43–46.

3. Сухоруков С. История Екатеринбургской тюрьмы // Урал. – 2007. – № 12. – С. 148–224.

References

1. Galkina N.I. *Institut tyuremnogo popечitel'stva v Rossijskoj imperii i ego osobennosti na Kubani: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Institute of prison guardianship in the Russian Empire and its peculiar features in the Kuban: Cand. leg. sci. diss.]. Krasnodar, 2009, 24 p.

2. Pertli L.A. *Profilaktika pobegov zaklyuchennyh v dorevolucionnoj Rossii* [Prevention of prisoners escapes in pre-revolutionary Russia] *Monitoring provoprimeniya*, 2014, no. 4, pp. 43–46.

3. Sukhorukov S. *Istoriya Ekaterinburgskoj tyur'my* [History of the Yekaterinburg prison]. *Ural*, 2007, no. 12, pp. 148–224.

Сведения об авторах

Рязанов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России, г. Пермь, Российская Федерация, 8-909-111-09-23, s_ryazanov@mail.ru

About author

Ryazanov Sergey Michaylovich, PhD in History, senior lecturer at the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russian Federation, +7-909-111-09-23, s_ryazanov@mail.ru